

The top half of the book cover features a dramatic, painterly illustration. It depicts a chaotic battle scene on a dark, stormy sea. In the upper right, a large, multi-masted sailing ship is engaged in combat with a massive, dark, tentacle-like creature. The creature's body is dark and textured, with sharp, pointed protrusions. The sea is a deep, turbulent blue-green, with white foam from the waves and the ship's sails. The sky is filled with heavy, dark clouds, with a bright, golden light breaking through in the upper center, illuminating the scene. In the lower left, a smaller, simpler boat is visible, struggling against the waves. The overall mood is one of intense action and fantasy.

16+

Роман Мелехин

Талант в наказание

Сборник рассказов

Роман Александрович Мелехин
ТАЛАНТ В НАКАЗАНИЕ.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42539014
SelfPub; 2019*

Аннотация

Немного мистики, капля фантастики, жизненного опыта и хороший глоток юмора! Довольно нестандартное и смелое решение переделать несколько всем известных сказок добавит читателю хорошего настроения! Всё это можно найти в данном сборнике.

Талант в наказание

Купидон промахнулся. В очередной раз. То ли древнее, как мир, оружие, стало подводить ни с того ни с сего... то ли это всё происки завистников, он не знал. Уставший, потерявший веру в себя и в ту силу, которой его наделили Боги, Купидон шёл на Суд.

Его промахи стали притчей. Пока терпел Пантеон, он не обращал внимания на язвительные замечания со стороны других богов и полубогов. Однако знал, что терпение скоро кончится. И его, и тех, кто повелевал судьбами всего того сонма божественных существ, что населяли Олимп. Знал, но продолжал надеяться. На себя и на свои силы. Оказалось—зря. Из века в век задания Верховных становились всё труднее и труднее. И дело вовсе не в сложности целей. Просто пропал тот запал и азарт, руководивший им те века и тысячелетия со дня Инициации.

Можно было во всём винить самих людей, но Купидон верил в этих странных созданий. Он верил, что любовь— есть та божественная сила, способная удержать пресловутое Равновесие. Но в очередной раз ему показывали результаты его действий, и он не мог поначалу поверить своим глазам.

Вот муж в порыве жуткой ревности убивает горячо любимую супругу... Две совсем юные девушки кончают жизнь самоубийством, не поделив между собой объект своего обо-

жания. Патриоты какой-то страны в честь любви к родине убивают других людей, во имя своих идеалов... Люди бросают свои семьи ради других людей, делая несчастными детей и брошенных супругов. Любовь, которой так щедро делился Купидон, превращалась в какое-то извращённое чувство, так отличающееся от чистого, и незамутнённого ничем Божественного Дара.

Неудивительно, что Боги недовольны! Но, как и всегда, им проще было найти виноватого. И Суд, на котором сейчас стоял Купидон, вынес единственный вердикт: виновен. Он преклонил колени и положил лук и стрелы рядом. Не поднимая взора и не смея даже посмотреть на Отца Богов, он выслушал приговор и приготовился к наказанию. А наказание у богов одно—изгнание. И хорошо бы в какого-нибудь мелкого духа природы превратили... Веков на двадцать. Ни слова не услышал уже бывший Купидон от своих судей.

Только почувствовал, как выжигается сама божественная сущность, те скрепы, что составляли его личность. Силы покидали тело, и он в какой-то момент ужаснулся. Ему показалось, что вот-вот они полностью иссякнут, и он просто растворится в пространстве, разом перестав существовать. Небытие. Им карали настолько редко, что Купидон не помнил на своём веку подобного случая. Но те же боги не пустили.

Он ощутил под собой твёрдую почву. Воздух был свежее, нежели на Олимпе. Тело продолжало трансформироваться,

причиняя жуткую боль. Это означало одно—смертная оболочка. Плохо... Каково будет ему привыкать к жизни обычного смертного? Что готовит ему такое будущее? Обречённость причиняла ещё большие страдания. Но этого оказалось судьбе мало. В какой-то момент бывший Купидон стал понимать, во что превратили его Боги.

Некогда лёгкие крылья вдруг стали жёсткими и кожистыми, голова сжалась до маленьких размеров, а из пасти (да, именно пасти!) высунулись длинные клыки. Ярко-рыжая шевелюра исчезла, превратившись в ломкий и тёмный клочок волос. Непропорциональные конечности добавили в его теперешний облик ещё больше мрака. Прислушавшись к своим ощущениям, он чуть не завыл от незнакомого щемящего чувства. Голод! Страшный, явно нечеловеческий голод. Он выжигал внутренности сильнее, чем самое обжигающее пламя.

Он огляделся вокруг. Лес, густой и тёмный, полный ночных звуков и запахов. Стоп! Запахов живой плоти! И... Там, где плоть, там же и кровь, верно? Додумать эту чудовищную мысль он не успел. Нечто мелькнуло перед глазами, шурша листвой, и устремилось прочь. Не думая более ни о чём, кроме как о терзавшем голоде, он прыгнул вперёд. Рефлексы и скорость нового тела поразили его. Взмах крыльев, единственный рывок, и вот жертва уже достигнута. Он успел удивиться тому, что на ум пришло именно это определение—жертва. А длинные клыки уже впились в тело крысы,

пойманной им. Живительная влага вливалась в тело, притупляя жажду и утоляя голод. Отбросив в сторону труп грызуна, он пришёл в себя. Захотелось вновь завывать. На этот раз от осознания своей нынешней сущности. Вампир! Мелкий, мерзкий враг всего живого, отвратительная тварь, которую боялись и ненавидели все: и люди, и животные. Даже боги редко упоминали имена Истинных Повелителей ночи. А он всего лишь мелкий упырь, достойный питаться крысами и другой невзрачной живностью.

Возникло желание упасть на землю и слиться с ней, врасти в почву, раствориться, исчезнуть... Но он знал, что всё бесполезно. Даже, если его убьют: люди или кто-то более могущественный, не важно. Он возродится вновь. И хорошо, если не в теле твари похуже. Хотя, куда уж хуже... Почему вампир? Издревле греки верили, что рыжеволосые после смерти превращались именно в вампиров. Насмешка богов.

Медленно передвигаясь по лесу, упырь размышлял. Первый ужас прошёл, теперь предстояло думать, как жить (или не жить?) дальше. Летать он почти не мог. Слишком мало сил ещё было в хлипком теле, напоминающем летучую мышь. Охотился он редко, лишь когда голод терзал уж очень сильно. Большинство жертв составляли те же грызуны. Один раз, правда, удалось убить молодую косулю. Бывший купидон уже не ужасался своим действиям, но изо всех сил старался не поддаться древнему Зову. Он чувствовал, что в этом случае разорвёт последнюю связь с собственным «я».

Вот тогда он полностью превратиться в совершенно другое существо.

И ещё он знал: боги просто так подобным не наказывают. Какого рода искупление ему начертано? Что он может сделать, будучи ненавидимым всеми вампиром? Такие вопросы богам не задают. Не будет ответа. В данной ситуации всё решает сам наказуемый. Вот только желания вернуться обратно почему-то не возникало... Значит, надо действовать здесь и сейчас. И пытаться существовать в мире, пусть даже и в облике отвратительного упыря.

Трансформация прошла, как всегда болезненно. Человеческая фигура с бледным лицом и тёмными длинными волосами пробиралась к кромке леса. Пахло жильём, людьми, животными и... кровью. Но он уже научился сдерживать себя. Голод удавалось прятать внутрь. Ограничивая себя в еде, вампир всё же достиг той стадии, когда мог превращаться в человека. Охотиться подобным образом было гораздо труднее, но в облике огромной летучей мыши ему было ещё сложнее. Полет требовал много сил. А для этого нужно много крови. Лес оказался богат на добычу, однако страх перед упырём бежал впереди него. И многие животные инстинктивно старались убраться в самую отдалённую чащу.

Он поклялся себе, что никогда не станет охотиться на человека. И древняя магия приняла его обет. Это он почувствовал на собственной шкуре. Никогда не думал он, что

вампирам могут сниться сны, а тут кошмар за кошмаром! Вбитые в тело осиновые колья, яркие, слепящие лучи солнца, обжигающие кожу, и, наконец, жгучее пламя костра ещё долго преследовали бывшего купидона во снах. Это было своего рода предостережение.

Всевозможные дары леса в виде ягод и грибов не годились вампиру в пищу. Крови, правда, требовалось немного: один-два раза в месяц. Большую часть свободного от охоты времени он проводил в размышлениях. С некоторых пор вампиру стало казаться, что, помимо пропитания, ему чего-то не хватает. Как будто нехватка чего-то гложет постоянно, не давая покоя. Что-то вроде сосущей пустоты. Поначалу он списал это на общее чувство обречённости, но он к нему уже привык.

Однообразие окружающего ландшафта угнетало вернее голода. Выходить к людям он не хотел. Что от них ждать? Вилы и колья? Очищающий костёр? Нет уж! Он был уверен, что найдёт способ искупить свою вину. Пусть даже спустя много времени. Жажда деятельности охватывала его с каждым днём, и всё меньше оставалось сил противиться этому чувству.

Как ни странно это звучит, но вампир потерял покой. Различные образы, воспоминания, картины из жизни богов и людей терзали его разум. А может ли вампир сойти с ума? Эта мысль сначала показалась ему забавной. Потом стало не до смеха. Даже голод отошёл на второй план. Несколько

недель вампир бесцельно скитался по лесу, не обращая внимания на жажду, становившуюся всё сильнее и сильнее.

Однажды, занятый собственными мыслями, он брёл запутанной, звериной тропой, коих множество было в лесу. И не заметил, как мимо промчалась тень, испуганно вереща на ходу. За ней, следуя по пятам, неслась тень поменьше, но от неё за версту можно было учуять силу лесного охотника. Кто это был: волк или лис, вампир не успел заметить: обе тени исчезли из поля зрения, скрывшись в густой чаще.

Мгновенно проснулся собственный инстинкт. Ещё бы! Месяц без еды... И вот уже по следу двух жертв летит страшная тварь: помесь человека и летучей мыши. Он не смог полностью трансформироваться, так как сил не хватало. С той, небольшой высоты, которую он мог себе позволить, вампир рассмотрел преследуемых. Молодая лань, а за ней, почти не отставая, мчался волк. Вскоре хищник нутром почуял гнавшуюся за ними тварь, и предпочёл свернуть в сторону. Нет, серый охотник не испугался бы выйти на бой с противником, намного сильнее себя. Но тот, кто преследовал его и ускользающую добычу, был чем-то другим. Чуждым всему живому. Волна ужаса исходила от тёмной тени, мелькающей среди ветвей. От неё веяло могильным холодом и нежитью. Животный инстинкт заставил волка отступить.

Быстрое, но сильно напуганное животное мчалось вперёд, не разбирая дороги. Тот же инстинктивный ужас перед вампиром сжигал последние силы. Но остановиться и дать нежи-

ти себя растерзать лань была не в силах. Вот уже кончался лес, и впереди раскинулось широкое поле, в конце которого начинался посёлок людей. Особо выбирать не приходилось: сзади мчалась молчаливая смерть, впереди, скорее всего, тоже гибель от рук селян-охотников, которые обрадуются такому неожиданному «подарку». Но лань не сбавляла хода, каким-то животным чувством поняв, что упырь стал отставать. Силы преследователя оказались не беспредельны.

Вампир тоже осознал это, тем более, близость человеческого жилья не добавляла оптимизма. Однако голод всё же взял верх: объединив силы в один-единственный рывок, упырь ринулся на жертву, подобно сапсану. Удар настиг добычу возле высокой каменной стены, которая окружала некое большое сооружение. Оно смутной громадой возвышалось над землёй, отбрасывая тень в уходящем свете луны.

Возня с жертвой заняла немного времени. Шатаясь, как от опьянения, вампир опёрся рукой о стену. Голод был утолён, и на некоторое время можно было забыть об охоте. Прислушавшись к собственным ощущениям, он понял, что слегка переборщил. Кровь всегда опьяняла его, но на этот раз он взял больше, чем надо. Вампир побрёл вдоль стены, цепляясь за неё рукой. Озарилась мысль: надо было убираться отсюда, пока не рассвело. Вот только перекинуться в нетопыря сейчас не представлялось возможным. Может чуть позже...

Он остановился и поглядел вверх. Небо чуть посветлело, а это означало, что рассвет наступит через пару часов. Он бро-

сил взгляд на стену и отшатнулся. Перепачканные в крови жертвы руки оставили на ней непонятные разводы. Он сделал шаг назад, едва не упав при этом. На выбеленной поверхности камня вампир узрел крылья. Да, да! Те самые нежно воздушные крылышки купидона, что позволяли ему сновать меж облаков и нестись по небу, посылая свои стрелы, полные яда любви... А вот и кровавый росчерк, напоминающий ему именно те самые злополучные стрелы.

Наполненные кровью глаза вампира обозревали случайно нарисованную картину. Случайно? Он вдруг ощутил жар, где-то в районе груди, там, где должно быть сердце. Так вот оно что! Он очередной раз посмотрел на творение своих рук. Здесь явно чего-то не хватало! Азарт поглотил его, и он бросился к останкам жертвы. Погрузив руки в кровь, щедро разлитой вокруг, он устремился к стене. Теперь все те картины из прошлого, что недавно терзали его, нашли своё место на белокаменной стене.

Вот величественная гора, именуемая Олимпом, заняла своё место, боги и полубоги, различные химеры, полу-разумные и бессловесные существа обретали плоть, основой которой была кровь недавно убиенного животного. Не раз возвращаясь к останкам жертвы, вампир продвигался всё дальше. Открыв в себе талант художника, он был теперь по-настоящему счастлив. Как же здорово оказалось выражать свои мысли и желания посредством природных кисти и красок! Вскоре белая стена на несколько шагов покрылась рисун-

ками из жизни богов Олимпа. Бывший купидон любовался творением своих рук, и совершенно забыл о насущных проблемах. А они не заставили себя ждать слишком долго.

Ударил колокол. Звон резанул по ушам, проник в самую сущность вампира, сотрясая всё тело. Помутился рассудок, его швырнуло на землю, он попытался зажать уши руками, но это не помогло. Удары сыпались один за одним, почти вбивая его во влажную после ночи почву. Блеснули первые лучи солнца, ярко отображаясь в золотых куполах большого храма. Он внезапно осознал, где находится, и что стало его первой палитрой для творчества. Внезапно мучения кончились, и звон стих. Вряд ли передышка будет длинной, понял он, и, сделав над собой усилие, поднялся на ноги.

Надо было срочно уходить, и вампир заковылял к лесу, трясая головой, словно хотел избавиться от отголосков колокольного звона. Перекидываться в летучую мышь он не стал: не уверен был, что справится. Утреннее солнце уже освещало верхушки деревьев, но остальная часть леса утопала в ночной тени. Ему надо было срочно добраться до спасительной тьмы.

Очередной звон повалил вампира на землю, и его протащило по траве несколько метров. Из его горла вырвался полный боли крик. Ужасающие звуки разнеслись по всей округе, вселяя небывалое беспокойство в жителей поселения. Угасающее сознание предоставило вампиру картины, одна ужаснее другой. Всё, чего он боялся получить от людей, сейчас

проносилось перед глазами. Ему казалось, что толпа с кольями и вилами наперевес уже несётся сюда, а он, оглушённый колоколом, не мог пошевелиться.

Что ж, и здесь он промахнулся. Очередная насмешка судьбы. И как его угораздило в порыве неожиданного вдохновения разрисовать стены православного храма? Да ещё и кровью?! За такое даже боги Эллады могли разгневаться. Осквернение чужого храма они могли и проигнорировать, но вот чужие боги... Что можно было от них ожидать? Вряд ли что-то справедливое, особенно, по отношению к вампиру.

Подобно раненому животному, которое не в силах просто так сдаться хищнику, он полз вперёд, уже слыша крики людей и лай собак. Жажда той «не-жизни», на которую его обрекли боги, вспыхнула с новой силой. Трансформация опять удалась не полностью. Тяжело взмахивая крыльями, из травы поднялась огромная летучая мышь. Несколько метров она пролетела по направлению к лесу, прежде чем её настигла стрела. Обычная стрела с железным наконечником порвала крыло, тем самым превратив полёт твари в кувыркание. Вампир рухнул вниз, при этом второе крыло с треском сломалось, причиняя ему дополнительную боль. Он готов был рвать землю клыками, но не сдаться на милость победителям. Хотя, какая там милость! Убили бы побыстрей... Издав рычание, он продвинулся немного вперёд, но знал, что скоро его настигнут. Стрелы уже сыпались одна за другой, втыкаясь совсем рядом. Вампир резко повернулся на спину, при-

готовившись к последнему бою.

Несколько теней заслонили небо. Шуршание лёгких крыльев и знакомые очертание ночных охотников показались вампиру наваждением. Но нет! Сильные лапы с когтями обхватили его с нескольких сторон, и четыре огромных летучих мыши с ужасающими криками подняли израненное тело в воздух. Ощущение полёта затмило боль, исчезли давящие звуки колокольного набата. Невиданная доселе тут четвёрка нетопырей несла пятого прочь от людского жилья вглубь леса.

Отрешившись от происходящего, бывший купидон впал в непродолжительный сон. Разбудили же его странные звуки, напоминающие человеческую речь. Не сразу он понял, что его неожиданно появившиеся сородичи переговариваются меж собой. Это была своего рода мыслеречь, посредством которой и общались нетопыри. Продолжая нести его дальше по лесной чаще, они умудрялись спорить!

–Да такого смельчака ещё поискать надо! Это ж надо, размалевать храм кровью!

–Ты видел, что там он наизображал?– вторил другой «голос».

–Какая разница? Любой клан примет его к себе, тем более, что он новичок. Пусть и слабый ещё пока...

–Не наш он,– веско возразил четвёртый,– я заметил: из Эллады прибыл новичок наш. Картины уж больно на это указывают.

–Решено, – поставил точку один из вампиров,– представим его Клану. Пусть там и решают, что с этим художником делать. А то слишком часто вампиры стали свободу любить. То музыканты, то летописцы, то ещё что-нибудь придумают, чтобы выделиться. А этот, похоже, из бунтарей.

–Низвергнутый,– огорошил собеседников бывший купидон.

Минута тишины повисла в воздухе. Затем один из вампиров произнёс:

–Молчи пока. На месте разберёмся. Сказано ж тебе: решение примет Клан. Раны твои заживут скоро, тогда и расскажешь, откуда ты такой тут появился.

Молчание—знак согласия. Бывший купидон постарался расслабиться и прислушался к собственным ощущениям. Раны действительно затягивались, а мысли витали где-то повыше самого леса. Можно считать, ему повезло. Спасение вселяло некоторую надежду, вряд ли будет хуже... Клан? Пусть будет клан. Значит, он в этом мире не останется один. Перед глазами встали недавно нарисованные картины, и он почувствовал, что невольно расплывается в улыбке. Впервые за долгое время.

Конец.

Невиновные

Он устал. Усталость сковывала все члены немолодого уже

тела. Дыхание сбивалось, и ему приходилось всё чаще останавливаться, чтобы отдышаться и унять ноющую боль в левом боку. А преследователи, тем временем были всё ближе и ближе, всё громче выла сирена спецмашин, а окружающий мир, казалось, весь был против него.

Пёс очередной раз остановился и, чуть помедлив, свернул в незнакомую подворотню. На свой счёт он не обманывался. Его всё равно догонят, обложат со всех сторон и поймают. В лучшем случае. За свои двенадцать лет жизни он повидал немало, и знал, что люди делают со старыми, слабыми, больными псами. Или с такими, как он.

Убийца. Привкус человеческой крови был ещё свеж в пасти. Её засохшие капли покрывали морду пса, а нос, казалось, перестал ощущать какие-либо запахи, кроме вездесущего запаха смерти. Пёс вяло перебирал дрожащими лапами и пытался определить слезившимися глазами какой-нибудь тёмный угол. Ему нужно было передохнуть. Совсем немного. Сколько бы не оставалось ещё сил бежать или ползти, он будет сражаться за жизнь.

Тяжёлые капли стекали из пасти на лапы, голову кобель не поднимал, но уши чутко ловили каждый звук. Возле подъезда царил полумрак, и было прохладно: сюда не попадали лучи палящего солнца. Двери со скрипом открылись, выпуская наружу запах затхлости и нечистот. Да, некоторые люди живут хуже, чем подзаборные шавки, толпами рыскающие по городу в поисках еды. Их жилище пропахло помойкой, и це-

лым шлейфом гнилых «ароматов», раздражающих чувствительный нос пса.

Подъезд, возле которого прикорнул кобель, был как раз из таких. Дом в пять этажей, два подъезда с деревянными ещё дверями и наглухо закрытыми нижними окнами. На неожиданный звук пёс среагировал моментально: задние лапы подобрались, готовые тугой пружиной поднять казавшееся инертным тело. Вышедшая старушка с видавшей виды авоськой в руках, наверное, была исключением из правил. От неё тянуло пряными запахами недавно приготовленной еды, старой одежды и едва уловимой химией лекарств.

Пёс покосился на древнюю палку в руках старушки, определил степень угрозы, и немного успокоился. Тем временем, подслеповато прищуриваясь, пожилая женщина заметила чужого кобеля, которого ещё утром здесь не было. Любопытство пересилило страх, и она приблизилась к нему и остановилась. Давняя привычка подкармливать бездомных животных, особенно кошек и мелких дворняг, заставила её раскрыть авоську и зашарить внутри. Поиски чего-нибудь съестного увенчались успехом, и наружу появился довольно большой кусок ливерной колбасы. Окинув взглядом уставшего пса, она пробормотала:

—Большой какой... Попробуй накорми такого. Ничего, если потерпишь, вечером принесу добавки.

Кобель приподнял голову и принялся к упавшей рядом подачке. Хозяин давно приучил его не брать еду из чужих

рук. Ещё не хватало. Хозяин... Глаза, умоляюще смотрящие на него, разбитые губы, залитые кровью, и шепчущие: «беги...»

Пёс отвернулся, сглотнув слюну, и положил голову обратно на лапы. Голод давал о себе знать, но пёс знал, что, размлев от еды, он не сможет передвигаться быстро.

Старушка, непонимающе покачала головой и подвинула палкой кусок колбасы чуть ближе к морде пса. В этот момент её взгляд упал на пятна крови, покрывавшие тёмную густую шерсть. И, о ужас! На самой пасти! Что-то во взгляде кобеля резко не понравилось ей, и она, повинувшись инстинкту, отшатнулась назад. От незнакомца вдруг повеяло чем-то страшным, не вписывающимся в привычный спокойный жизненный уклад мирной старушки. Кобель внезапно показался её свирепым и безжалостным, способным... на что? Он совсем не был похож на тех мелких собачек, периодически подкармливаемых у её подъезда.

—Господи, упаси!—перекрестившись, старушка подалась в сторону. Палка, помогающая ей при ходьбе, застучала по тротуару, и вскоре кормилица бездомных животных скрылась за поворотом.

Одновременно с этим подозрительный шум резанул слух пса, и лапы, готовые к немедленному действию, выбросили тело вперёд. И уже, мчась через двор, он различил топот ног, резкие команды, и щелчки взводимого оружия. Так он и предполагал: его не собираются брать живым.

Из последних сил пёс бежал вдоль густого кустарника, чувствуя настигающую его погоню. Невдалеке вновь взвыла сирена, резанув по натянутым нервам. Микрорайон, где пролегал путь беглеца, был почти безлюден. Летняя жара погнала людей на природу, к воде. Вот и хозяин сегодня собирался с ним к близлежащему водоёму. Но роковой случай сумел перечеркнуть несколько жизней...

Совсем маленьким щенком он помнил себя. В воинской части, где служил тогда молодой пограничник, было весело и интересно. Подающий надежды пёс постигал всю трудную науку защитника отечества, а затем, вместе с хозяином, попал на границу. Учебные дни сменились тяжким трудом. Он помнил ночные вылазки, свист шальных пуль нарушителей, частые погони, нередко заканчивающиеся поимкой тех, кого хозяин считал врагами. Но никогда ещё псу не приходилось отнимать человеческой жизни...

Служба закончилась внезапно. Той ночью его хозяин попал под обстрел и был ранен. В итоге—слепота, беспомощность, отправка до-мой. Пса он взял с собой, ему разрешили. И долгие месяцы другие уже люди обучали его премудростям профессии поводыря. С тех пор они не расставались ни на день. Год за годом шло время. Спокойная и размеренная жизнь превратила его хозяина в тихого алкоголика. К запаху спиртного пёс привык, и не воротил нос, когда хозяин в пьяном состоянии прижимался к нему и засыпал, не в силах доползти к постели. Кобель не терпел его. Он любил. Ждал,

возможно, верил во что-то...

Звуки погони разделились, и пёс понял, что его окружают. Совсем недавно, несколько часов назад была похожая ситуация. Что не понравилось тем парням во дворе? Неряшливый вид человека с пакетом в одной руке и тростью в другой? Хозяин был нетрезв, но выйти из ситуации попытался вполне мирно. Четверо молодых мужчин, от которых тоже пахло спиртным, о чём-то переговорили между собой, поглядывая на насторожившегося пса, и неспешно взяли их с хозяином в кольцо. Хозяин угрожающе поднял трость и вновь попытался вразумить парней, но, видимо, хмель выветрил у тех их мозгов остатки разума.

Почему бы не поиздеваться над слепым калекой? А старый кобель, пусть и боевой немецкой породы, не помеха. Трость полетела на землю, рядом упало тело хозяина, сбитого ударом кулака, а пёс уже летел в прыжке к ближайшему противнику. Мелькнул блеск стали, и кобель чудом увернулся от режущего удара. Ситуация «человек с ножом» была ему хорошо знакома, и он мгновенно перегруппировался. Противник вновь сделал угрожающее движение. Пёс прыгнул. Нырнув под летевший к горлу клинок, он со всей мощностью крупного тела врезался в человека, сбив того с ног. Расслышав крик хозяина, пёс обернулся и одним прыжком кинулся к избиваемому. Тот лежал на земле, закрыв лицо руками, а трое, по недомыслию Создателя считавшиеся людьми, нанесли удары ногами куда попало, подзадоривая себя криками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.